

Примечания

¹ Крушельницкая Е.В. Филигранные документы и рукописные книги, созданные в Соловецком монастыре в XVI в. // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 3–174.

² Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 9–12.

³ См., например: Панченко О.В. Из исто-

рии культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., 2004. С. 488–507; Буров В. Строитель старец Меркурий (Хроника деятельности за 1570–1574 гг.) // Соловецкий сборник. Вып. 5. Архангельск, 2008. С. 24–35); Французова Е.Б. Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI – начале XVII в. // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4(19/20). С. 255–270.

М.-П. Рей. 1814: Un Tsar à Paris. P.: Flammarion, 2014. 329 p.*

Двухвековой юбилей крушения Наполеоновской империи ознаменовался настоящим издательским бумом исторической литературы по данной теме. Счёт появившихся за последние пять лет книг только о походе Наполеона на Россию, с которого и началось падение французского императора, уже идёт на многие десятки. Сейчас к ним добавляются новые работы о кампаниях 1813–1814 гг. Впереди же ещё предстоит двухсотлетие Ватерлоо...

Тем не менее нынешний юбилей войдёт, на мой взгляд, в историю мировой наполеонистики не столько своими сугубо количественными показателями, сколько важными качественными изменениями в разработке соответствующей проблематики. Мне уже приходилось отмечать, что к числу подобных изменений можно отнести формирование *общемировой*, или, скажем так, *интернациональной* историографии этой темы¹. Если до недавнего времени в изучении наполеоновских войн чётко просматривалось несколько национальных школ, мало зависимых одна от другой и слабо проницаемых для внешних влияний, то за последнее десятилетие в разных странах мира появились историки, сумевшие выйти за узкие рамки национальных традиций и сочетающие в своём творчестве достижения сразу нескольких из них. Это, например, хорошо удаётся американцам Э. Вовси и А. Микаберидзе, британцу Д. Ливену²

и др. Во Франции же наиболее ярким представителем такой «интернациональной» историографии, бесспорно, является Мари-Пьер Рей, директор Центра славянских исследований в университете Париж-1 Сорбонна-Пантеон.

Вышедшая два года назад монография М.-П. Рей об Отечественной войне 1812 года «Чудовищная трагедия: новая история русской кампании»³ была написана на основе широкого круга источников из архивов Франции и России и показала прекрасное знание автором историографии обеих стран. В отличие от большинства своих соотечественников, ранее писавших на эту тему, французская исследовательница сумела в освещении «русской кампании» выйти за жёсткие рамки национальной традиции и взглянуть на происшедшее также и «с другого берега Немана», отказавшись от многих устойчивых стереотипов французской историографии. Книга была высоко оценена международной научной общественностью и отмечена престижной премией Фонда Наполеона.

Новая монография М.-П. Рей «1814 год: Царь в Париже», уверен, также привлечёт к себе самое пристальное внимание специалистов по наполеоновским войнам. Особый интерес она представляет для российских историков, поскольку Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. не принадлежат к числу активно

* Рей М.-П. 1814 год: Царь в Париже. Париж: Flammarion, 2014. 329 с.

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14–18–01116.

разрабатываемых ими тем. Если об Отечественной войне 1812 года российские исследователи создали огромную, почти необозримую литературу, то количество вышедших у нас в стране работ об участии России в освобождении Европы от наполеоновского владычества можно пересчитать буквально по пальцам⁴. Во Франции же последние кампании Наполеона, напротив, всегда изучались весьма интенсивно. А потому тем более любопытно узнать, какое освещение сей предмет получил в труде автора, стремящегося сочетать в своём творчестве достижения обеих историографических традиций.

Главный герой книги М.-П. Рей, как следует из её названия, – русский царь Александр I, пришедший со своей армией в Париж. В российской исторической традиции он не был избалован доброжелательным отношением, и далеко не один автор, упоминая о нём, цитировал злые пушкинские строки: «Властитель слабый и лукавый, // Плешивый щеголь, враг труда, // Нечаянно пригретый славой, // Над нами царствовал тогда». Однако французская исследовательница, блестящий знаток биографии Александра I⁵, рисует нам совершенно иной портрет русского императора. Для неё он – человек сильной воли и непоколебимого упорства. Именно благодаря этим качествам ему удавалось раз за разом преодолевать колебания своих близких и союзников, неоднократно склонявшихся к компромиссу с Наполеоном, и буквально гнать армии коалиции на Париж. Именно царь, проявив незаурядную силу духа и дар убеждения, настоял на продолжении войны после тяжёлого поражения антинаполеоновской коалиции под Дрезденом 26–27 августа 1813 г., когда монархи Австрии и Пруссии выказывали готовность к прекращению борьбы (р. 56). С выходом союзных армий на границы Франции в ноябре–декабре 1813 г. Александру вновь пришлось преодолевать опасения австрийцев и пруссаков перед ведением войны на территории неприятеля, ибо он «желал принести меч на французскую землю, чтобы добиться полного разгрома Наполеона» (р. 58). Когда после первых побед коалиции в январе 1814 г. австрийцы и англичане вновь подняли вопрос о мирных переговорах,

Александр опять воспротивился этому, поскольку «для него было немислимо какое-либо соглашение с Наполеоном; следовало продолжать борьбу и без промедления идти на Париж» (р. 90). И наконец, исключительно по настоянию царя на военном совете в Витри 24 марта было принято решение двинуть основные силы союзников не против армии Наполеона, а на Париж – блестящий манёвр, политические последствия которого позволили в считанные дни окончить войну без генерального сражения (р. 118–119).

Но почему русский царь так рвался в Париж? По мнению М.-П. Рей, его туда влекли не только геополитические интересы – без ниспровержения Наполеона любой мирный договор оказался бы всего лишь перемирием, но и возвышенная мечта о переустройстве Европы в соответствии с христианскими ценностями: «Геополитические цели дополнялись собственно политическими и даже мессианскими: Александр I действительно надеялся осуществить возрождение континента на основе новых принципов, кои отвечали бы тем религиозным убеждениям, что он отныне [после 1812 г.] исповедовал. С одной стороны, Европа, которую предстояло построить, должна была стать умиротворённой и миролюбивой... С другой – устройство этой новой Европы базировалось бы не на использовании силы, а на скрупулёзном соблюдении международных трактатов, призванных обеспечить равновесие государств по отношению друг к другу» (р. 38–39). Таким образом, герой М.-П. Рей – это не только царь-победитель, но и царь-«революционер», грезивший о кардинальном переустройстве всей системы международных отношений на новых, справедливых началах.

Столь же революционными М.-П. Рей считает и планы российского императора в отношении Франции: «В тот момент наиболее важным для Александра I было установить во Франции политический режим, который отвечал бы пожеланиям всех французов, учитывал бы их историю и коллективную память, а своей стабильностью и умеренностью гарантировал бы мир Европе» (р. 169). И действительно, в течение нескольких весенних недель 1814 г. на смену авторитарному режиму Первой

империи пришла сравнительно либеральная конституционная монархия Людовика XVIII. Русскому царю, пусть и не столь полно, как он надеялся, но всё же удалось совершить то, что автор монографии назвала «либеральной революцией» (р. 179).

Вместе с тем книга М.-П. Рей – не только о благих намерениях, с которыми Александр I пришёл в Западную Европу, но и об испытанном им там великом разочаровании, когда его прекрасные мечты столкнулись с грубой реальностью. И союзники, и соперники – все на словах восхищались его бескорыстным идеализмом, но при этом охотно использовали таковой в собственных интересах, платя коронованному альтруисту откровенной неблагодарностью. Разочарование ожидало его повсюду. Разочаровывали союзники – Австрия и Великобритания, которых он ценой титанических усилий привёл к победе, и которые, не прошло и года, заключили против него альянс с поверженной Францией (р. 252–253, 255). Разочаровывал Людовик XVIII, ко его Александр, поддавшись на аргументы Ш.М. Талейрана и преступив через личную антипатию, согласился возвести на французский трон, но в ответ получил лишь демонстративный афронт и откровенную враждебность (р. 187–188, 220). Разочаровывал и сам Талейран: сподвижник царя по «либеральной революции» тайне выступил архитектором вышеупомянутого антирусского альянса (р. 252, 257). Разочаровывали парижане: хотя царь и приложил все усилия, для того чтобы столица Франции избежала бомбардировки, а в дальнейшем и массового размещения войск (в город вошли только элитные части), её жители, убедившись в миролюбивом настрое союзного командования, начали активно провоцировать бытовые конфликты с военнослужащими коалиции, выливавшиеся нередко в массовые драки и дуэли, стоившие жизни не одному иностранцу (р. 228). Разочаровала русского императора Гортензия Богарне: несмотря на оказанное им покровительство и на установившиеся между ними доверительные дружеские отношения, она в период «Ста дней» поддержала Наполеона, что было воспринято Александром I как личное оскорбление (р. 257). Список

его разочарований можно продолжать ещё очень долго, но и перечисленного достаточно, чтобы понять, почему автор книги не раз отмечает, что её героя переполняли гнев, горечь и сожаление. Не удивительно, что вернувшись во французскую столицу в 1815 г. после повторного ниспровержения Наполеона, Александр I не задержался здесь надолго. Он больше не пытался обаять местные элиты своей галантностью, щедростью и великодушием, а, отдав необходимые распоряжения оставшимся во Франции русским войскам, поспешил покинуть Париж (р. 257).

Хотя фигура Александра I и занимает в исследовании М.-П. Рей центральное место, содержание монографии не сводится лишь к анализу его деяний, выполненному французской исследовательницей на самом высоком уровне. Немало места в своей книге автор отводит описанию исторического фона, на котором разворачивалась деятельность её героя. И этот аспект, в отличие от основной сюжетной линии книги, оставил у меня довольно неоднозначное впечатление.

С одной стороны, М.-П. Рей даёт весьма подробный, насыщенный массой чрезвычайно любопытных деталей рассказ о повседневной жизни русских войск в Париже после установления мира. Эта глава, построенная на основе первичных источников российского и французского происхождения, служит бесспорным украшением всей работы. С другой – освещая такой важный и весьма дискуссионный сюжет, как взаимоотношения союзных войск и гражданского населения Франции в период собственно кампании 1814 г., автор книги ограничивается не критическим воспроизведением соответствующих фрагментов работ французских исследователей XIX в., что сегодня смотрится несколько анахронично. В позапрошлом веке критерии достоверности источника были гораздо менее строгими, нежели в наши дни, а потому принимать утверждения историков той поры на слово, без дополнительной верификации, сейчас, в общем-то, не принято. Между тем автор в ряде случаев так, к сожалению, и поступает. Приведу конкретные примеры.

Когда речь заходит о кампании 1814 г., неизбежно всплывает вопрос об активно

тиражировавшихся французской прессой того времени известиях о «зверствах казаков» по отношению к мирным жителям. Не обходит его стороной и М.-П. Рей. Однако основным источником сведений по данному сюжету для неё выступает работа А. Уссе, вышедшая ещё в 1888 г. Так, например, она приводит пространную выдержку из его книги, с перечислением самых чудовищных преступлений «казачков» и, судя по сопровождающей цитату реплике, явно принимает всё, сообщённое им, за достоверный факт (р. 104–105).

Но, если обратиться к тексту самого А. Уссе, картина окажется отнюдь не столь очевидной. Прочитированный М.-П. Рей абзац сопровождается в книге Уссе пространной ссылкой, указывающей, откуда почерпнуты приводимые им сведения⁶. На первый взгляд, перед нами широкий круг источников самого разного происхождения: 1) официальные – доклады аудиторов в миссии Деспре-Красе и Ареля, показания муниципальных советников из Санса, Ножана и Провена; 2) частные – письмо Жансона, купца из Провена; 3) пресса – газеты «*Moniteur*» от 28 февраля, 4 и 6 марта и «*Journal de l'Empire*» от 1 марта. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что на самом деле А. Уссе использовал практически только один тип источников – официальную прессу, поскольку все перечисленные им документы, за исключением хранящегося в Национальном архиве доклада Ареля, представляют собой публикации в «*Moniteur*» и «*Journal de l'Empire*» за февраль–март 1814 г.⁷, т.е. фактически речь идёт о пропагандистских материалах военного времени. О том, насколько подобный источник заслуживает доверия, мы можем судить хотя бы по свидетельству одной из современниц событий, приведённому в книге М.-П. Рей: «Сообщения в газетах о преступлениях, совершаемых союзной коалицией, весьма преувеличены. Мэр Суассона, увидев своё имя под одним из донесений, коего он не писал, уехал в Париж, опасаясь недовольства врагов, которые могли бы наказать его как клеветника. Г-на герцога де Лианкура, являющегося мэром в своей деревне, приглашали изблечить эксцессы, якобы творившиеся у него в коммуне, но он реши-

тельно отказался, не желая врать» (р. 127).

Наряду с официальной прессой А. Уссе в указанной сноске ссылается также на историческую литературу: «Ежегодник департамента Эн» за 1821 г. и работы Ф.Ф. Стинакерса и Ф.-Е. Пужья⁸, т.е. на заведомо вторичную информацию. Причём порой даже он выражает сомнения в её надёжности. Так, процитировав сведения из книги Ф.-Е. Пужья о гибели от рук иностранных солдат в кантоне Вандёвр 550 лиц обоего пола, Уссе добавляет, что ему самому «эта цифра кажется завышенной»⁹.

Хочу подчеркнуть: я отнюдь не ставлю под сомнение возможность эксцессов со стороны солдат союзных армий в отношении мирных жителей. Тем не менее, когда современные мне историки констатируют такие эксцессы как непреложный факт, хочется услышать от них всё же несколько более убедительную аргументацию, чем простое цитирование автора XIX в., пересказывавшего своими словами тексты военной пропаганды и сведения, полученные из вторых рук.

То же самое относится и к данным о жестоком обращении французских крестьян с попадавшими к ним в руки солдатами союзных армий. В подтверждение того, что таковое имело место, М.-П. Рей приводит пространную цитату из книги Л. Пэньо¹⁰ о зверской расправе селян с русскими ранеными после сражения при Краоне (р. 106). Я не стану, в отсутствие необходимой информации, оценивать достоверность самого этого факта, но замечу, что Пэньо совсем не тот автор, которому можно поверить на слово, тем более что ссылки на источник своих сведений он не даёт. Однажды мне на материале моих собственных исследований довелось убедиться в том, что указанный публицист XIX в. порою легко подменял отсутствующие в источниках сведения плодами собственной фантазии¹¹.

Уверен, что названные аспекты кампании 1814 г. – и соответствие массовых представлений о «кроважидных казаках» историческим реалиям, и разные формы сопротивления жителей Франции иноземному вторжению – ещё ждут своего исследователя, способного подняться над стереотипами национальной

памяти. Это же касается и такого весьма любопытного вопроса, как размах и мотивы дезертирства солдат из русского оккупационного корпуса, находившегося во Франции в 1815–1818 гг. Справедливо отмечая сложность оценки данного феномена в конкретных цифрах, М.-П. Рей гипотетически определяет число дезертировавших примерно в 40 тыс. человек (р. 18, 244, 268, сноски 28, 298, сноска 84), не объясняя, правда, на чём основано её предположение.

Впрочем, все аспекты, вызвавшие приведённые выше критические замечания, не относятся к главной сюжетной линии книги М.-П. Рей и составляют всего лишь фон, на котором разворачивается основное действие. А когда таковое, как в нашем случае, действительно увлекает, то небольшие погрешности в декорациях спектакля не портят. Тем не менее отметить их весьма поучительно: если автор, опирающийся в своём творчестве на две национальные историографические традиции, вдруг в какой-то момент сбивается на воспроизведение стереотипов одной из них, это означает, что влияние второй на освещение рассматриваемых сюжетов оставляет желать лучшего. Что ж, российским историкам и вправду предстоит ещё немало поработать, чтобы наверстать ранее упущенное в изучении славной кампании 1814 г.

А.В. Чудинов

Примечания

¹ Чудинов А.В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 61.

² Подробнее см.: Чудинов А.В. Русский или британский историк? Феномен профессора Ливена / Диалог о книге «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // Российская история. 2013. № 6. С. 4–6.

³ Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012.

⁴ Из новейших изданий см.: Безотосный В.М., Иткина Е.И. Казаки в Париже в 1814 г. М., 2007; Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010; он же. Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М., 2012; Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011; Могилевский Н.А. От Немана до Сены: Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012.

⁵ Rey M.-P. Alexandre 1er. P., 2009. (Русский перевод: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013).

⁶ Houssaye H. 1814. P., 1888. P. 51, note 1.

⁷ Ibid. P. 49.

⁸ Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. P., 1868; Pougat F.-E. 1814–1815. Invasion des armées étrangères, dans le département de l'Aube. Troyes; P., 1833.

⁹ Houssaye H. Op. cit. P. 51, note 1.

¹⁰ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 392. В русскоязычной литературе можно также встретить транскрипцию имени этого автора как «Пинго» или «Пэнго».

¹¹ См.: Чудинов А.В. Снова о Павле Строганове // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 175.

«Двери в далёкое теперь прошлое»: «Обрывки воспоминаний» графа В.Н. Коковцова*

Воспоминания гр. Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), пожалуй, один из наиболее известных классических памятников русской мемуаристики XX в. Его записки о событиях 1903–1919 гг., когда ему довелось руководить финансовым

ведомством (в 1904–1905 и 1906–1914 гг.) и возглавлять правительство (с сентября 1911 по январь 1914 г.), вышедшие впервые в 1933 г. в Париже, не раз затем переиздавались как на русском, так и на английском языках¹. Даже в советское время они

* Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры / Сост. М.А. Васильева и М.В. Ковалёв. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с., ил.